

Глава 12. Кто тут не озабоченный

Цзян Тан наконец-то зажил той самой жизнью бездельника, о которой мечтал.

С тех пор как его принесли сюда, его официально передали под опеку Сян Сина. Здоровяк был грубый, неуклюжий, из-за своей силищи легко мог ненароком его покалечить и вообще во всём был сплошным недоразумением. Но у него было одно бесспорное достоинство — он совершенно не выносил, когда Цзян Тан голодал. Стоило тому впервые поскулить и потребовать еды, как Сян Син перелез через полуразрушенный город на другую сторону и притащил для него целый мешок красных плодов. Высыпав их с грохотом на землю, он насыпал настоящую фруктовую гору.

С тех пор первый в долине Тяньбэй фуд-стример Цзян Тан при каждом приёме пищи обязательно ел под пристальным взглядом целой горы по имени Сян Син. Давление было колоссальное: мало того, что нужно было есть самому, приходилось ещё и за здоровяка доедать глазами, делая вид, что трапеза просто невероятно вкусна.

А когда уровень жизни хоть немного улучшается, человек немедленно начинает капризничать.

Сначала Цзян Тану ещё казалось, что еда у него вполне сносная, просто меню из одних красных плодов быстро приедается. Хотелось сменить вкус. Но вокруг не было вообще ничего — кроме шумной толпы светлячков на пустоши, ни одного живого существа. А хотелось ему, между прочим, очень многого: жареной рыбы, жареной курицы, мясных тефтелей в соусе, свиных ножек, шашлыка, вонючего тофу, пирожных...

Несколько раз ему даже снилось, что он идёт по уличному рынку и пробует всё подряд, от начала до конца. Просыпался он после таких снов с невыразимой тоской во рту и потому, чуть не плача, усаживался и снова ел свои красные плоды.

Он вовсе не хотел сказать, что плоды невкусные. Просто его уже начинало от них подташнивать. Если бы они не приносили телу такое заметное облегчение, он бы, честно говоря, вообще не хотел их есть.

Самым удивительным было то, что Сян Син каким-то мистическим образом всякий раз появлялся рядом, когда Цзян Тан среди ночи принимался за очередной перекус. Ни одного эфира тот не пропускал. Поддержка, надо признать, была железная.

Когда спустя несколько дней острая тяга к другим вкусам немного ослабла, Цзян Тан начал мечтать уже не о еде, а о бане.

Если посчитать как следует, он не мылся уже больше половины месяца! А если добавить ещё и время, проведённое в клетке, то и вовсе выходил почти целый месяц без купания... Последнее время, сворачиваясь в клубок перед сном, он и сам уже чувствовал от себя подозрительный душок. Хотя Сян Син, кажется, вообще ничего не замечал и по-прежнему таскал его с собой

куда угодно.

Цзян Тан всё сильнее подозревал, что маска на лице Сян Сина — это какой-нибудь противогаз. Иначе почему тот совершенно не реагирует на запах, который с каждым днём становился всё заметнее? А ещё эта шерсть... В самом начале она была мягкой, пышной и пушистой, но пыли на ней было столько, что Цзян Тан просто не мог заставить себя вылизывать её по три раза на день, как положено обычным зверькам. В результате в последнее время шерсть всё больше сбивалась в пряди, а от этого ему ещё сильнее не хотелось совать туда язык.

И-у-у-и, он вовсе не нарочно стал таким неопрятным питомцем! Даже в туалет он каждый раз убегал далеко-далеко, рыл ямку, а потом честно её закапывал. Просто мыться здесь было негде! Покажите ему хоть одну ванную — и он будет мыться каждый день.

При этой мысли несчастный зверёк уже почти начал подозревать, что скоро у него заведутся блохи... У-у-у... хотя не должны же, правда? Здесь кроме него вообще ничего живого нет. Даже у блох должен быть предел выживаемости.

— Сяо Бай, гулять, — радостно сказал Сян Син, присев возле грязноватого комочка. Хоть Сяо Бай давно уже перестал быть белым, имя он так и не сменил.

За несколько дней совместной жизни Цзян Тан успел запомнить значения нескольких слов.

Например, когда здоровяк говорил «Сяо Бай, есть», он обычно заодно протягивал ему плод — значит, речь шла о еде. А когда звучало «гулять» и его тут же подхватывали на ладонь и тащили куда-то наружу, это означало собачью прогулку... то есть, нет, всего лишь выход на свежий воздух.

Хотя, если честно, никакая это была не прогулка, а настоящая однодневная экскурсия по достопримечательностям ада. Он вообще не понимал, что тут может нравиться, а красавец, между прочим, даже не думал отсюда съезжать.

Цзян Тану казалось, что ещё немного — и он сам тут заработает депрессию. Хорошо хоть он всё ещё помнил о той косточке, что посадил под деревом. Каждый день, пользуясь рабочей силой Сян Сина, он ездил туда смотреть, не проросла ли она, и это было его главным развлечением.

Теперь он уже довольно хорошо видел в темноте и не раз проходил этот путь у Сян Сина на ладони, так что больше не считал это место страшным. Лишь до крайности пустым и одиноким.

Здоровяк раскрыл ладонь, и Цзян Тан привычным движением запрыгнул в своё транспортное кресло. Первой остановкой, как всегда, стала его посаженная косточка. И, как всегда, никакого роста не было.

— И-у-у, — сказал он ей. То есть: «Ну давай уже, прорастай, я ведь буду о тебе хорошо заботиться».

После этого они пошли вдоль края, понемногу забираясь всё дальше вглубь.

После многих таких прогулок Цзян Тан понял, что мир тьмы не так уж мал. И при этом было одно место, куда Сян Син его ни разу не водил. Рядом с долиной белых костей и призрачных огней была тропка. Цзян Тан видел её не раз, но здоровяк никогда не сворачивал туда. После такого повторения ему стало ужасно любопытно.

— У-у, — тихонько позвал он и указал лапкой в сторону той тропы, пытаясь попросить здоровяка сводить его туда.

Сян Син не согласился.

Опустив голову, он очень мягким, совсем не соответствующим своей грубой внешности голосом сказал:

— Сяо Бай... туда... нельзя. Там... опасно.

Для Цзян Тана эта фраза была слишком длинной, и он понял из неё только «Сяо Бай». Но раз после этих слов здоровяк повернул в другую сторону, значит, просьбу ему явно отклонили.

Почему? Что это вообще за место?

Если бы Цзян Тан жил в каком-нибудь весёлом мире маленьких зверушек, он, наверное, и не заинтересовался бы. Но нынешняя жизнь была настолько однообразной, что жажда исследования в нём выросла до небес. Он даже специально запомнил дорогу, решив однажды тайком всё-таки посмотреть, что там.

А что до красавца, который его однажды подобрал... Большую часть времени тот без дела лежал высоко-высоко на своём гигантском мече и почти не спускался. Не ел, не пил — скучнее некуда. Только в одно и то же время каждый день он легко сходил вниз и направлялся к той самой горе с костями и призрачными огнями.

Цзян Тан всё сильнее подозревал, что на самом деле красавец просто делает крюк, чтобы потом уйти на ту запретную тропу. Но Сян Син не отходил от него ни на шаг, так что проверить это не удавалось.

Так это гложущее любопытство тянулось несколько дней, пока однажды красавец не поручил Сян Сину какое-то дело. Тот с явной неохотой ушёл, и Цзян Тан впервые остался предоставлен сам себе.

Когда красавец в очередной раз слетел с меча и неторопливо направился к той горе, Цзян Тан, до этого притворявшийся спящим на земле, мигом вскочил и тихонько двинулся следом.

Эта горная дорога была ему уже знакома. Четыре лапы вообще отлично подходили для лазанья. Пыхтя, он долго карабкался наверх и в конце концов увидел ту самую тропу, по которой так давно хотел пройти.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что его никто не заметил, он шмыгнул туда вслед за красавцем.

Тропа оказалась длинной.

На ней всё время дул холодный ветер, неизвестно откуда берущийся. Холод был пронизывающий, будто колот до самых костей. Хорошо ещё, что шерсть у Цзян Тана была густая, — он только слегка дрожал, но терпел.

Красавец с его длинными ногами давно уже скрылся из виду. Цзян Тан бежал по тропе долго-долго, вокруг были лишь голые горы. И что же тут может быть? Почему красавец приходит сюда каждый день?

И вдруг до его ушей донёсся журчащий звук воды.

Здесь есть вода!

Настоящая вода!

Давно мечтавший о купании Цзян Тан тут же пришёл в восторг. Изо всех сил переставляя короткие лапки, он кинулся на звук. И вскоре увидел небольшое озеро с прозрачной, до самого дна чистой водой. Над поверхностью клубился белый пар.

Сердце у него запрыгало от счастья. Он уже пробежал было ещё несколько шагов к воде, но, перелезая через большой камень, внезапно испуганно юркнул обратно.

В клубящемся пару смутно вырисовывалась чья-то белая спина. Мокрые чёрные волосы спадали за спину, а кончики их целиком уходили в прозрачную воду. Капли, стекавшие по волосам, скользили по широким плечам, вдоль прямой спины и падали в воду у талии.

Кап. Кап.

В мёртвой тишине этот звук был особенно отчётливым.

Сначала Цзян Тан просто не понял, что видит. А когда наконец осознал, кто именно стоит в воде, сердце у него вдруг отчаянно заколотилось.

Это же красавец!

Глоть.

Он невольно сглотнул.

А-а-а, красавец моется, а он тут подглядывает... так нельзя. Нельзя, нельзя. Его взгляд ни в коем случае не должен скользнуть с длинной шеи красавца на голые мышцы спины, а потом вместе с той каплей воды съехать ниже — к талии с её прекрасными линиями... тьфу-тьфу-тьфу, не смотреть!

Цзян Тан поспешно закрыл глаза двумя лапками, но тут же незаметно приоткрыл между ними щёлочку, чтобы глянуть ещё буквально разочек.

У-у-у, тело у красавца тоже просто безупречное. Он вовсе не извращенец. Он просто очень серьёзно и очень научно анализирует пропорции человеческого тела, вот и всё.

Если уж и искать недостаток, то разве что волосы у красавца слишком длинные и закрывают слишком много интересного. Вот если бы он перекинул их вперёд... тогда можно было бы увидеть и спереди...

М-м? А почему это красавец вдруг повернулся?

Фу Линцзюнь развернулся боком. В его глубоких, как чернила, глазах не было ни малейшего тепла. Всё тело Цзян Тана мгновенно напряглось. Ему уже чудилось, что он видит в этом взгляде клинки и кровь.

О том, что за ним тянется маленький хвостик, Фу Линцзюнь узнал уже давно.

Просто он не ожидал, что этот малыш окажется настолько бесстыдно смелым. Несколько раз скользнув взглядом по грязному комочку, он даже не пытался скрыть отвращение. На лице у него буквально было написано: грязный. Немыслимо грязный.

И чем мрачнее становился этот взгляд, тем сильнее пугался Цзян Тан.

Бежать?..

Но куда? И успеет ли? Может, лучше вообще не бежать? В конце концов, он сейчас маленький

зверёк. А маленькому зверьку подглядывать за купанием людей... ну... вроде как можно?

И тут он увидел, как красавец встал в воде. Совершенное, почти скульптурное тело, обнажённое, медленно приближалось сквозь туман, то проступая, то скрываясь.

Слишком... слишком красивый...

Цзян Тан просто оцепенел. Он заворожённо смотрел на идущего к нему длинноногого красавца — и в следующую секунду белая, как нефрит, рука протянулась вперёд и решительно вдавила нахального подсматривальщика в воду.

— Глу-глу-глу...

Он ушёл под воду, пуская целую вереницу пузырей.

А-а-а! Да тут же ужасно холодно!! Он всего лишь краешком глаза посмотрел, вообще-то ничего плохого сделать ещё не успел!

И это был не просто холод. Холод был таким, будто в него встроили магическую атаку — ледяной, пробирающий насквозь до костей.

В тот миг, когда Цзян Тан свалился в озеро, ему показалось, что всё тело тут же замерзает. Та морозная сырость, что прежде приносил ветер, здесь обрушилась на него в десятки раз сильнее, почти сковав все мышцы.

Нет! Если так продолжится, он точно замёрзнет насмерть!

Он несколько раз ушёл под воду и снова всплыл. Лапы ещё не привыкли к плаванию, и собачий стиль у него не получался, так что в этом ледяном озере он успел наглотаться воды не меньше нескольких раз.

Когда же он наконец сообразил, как перебирать всеми четырьмя лапами, то поднял глаза — и увидел, что на лице красавца играет улыбка. Явно наслаждается зрелищем.

То ли от холода у него совсем отшибло разум, то ли возмущение от того, что его сунули в воду, взяло верх, но Цзян Тан вдруг с диким упорством догрёб до красавца по-собачьи и цапнул его за длинный красивый палец.